

ИСТОРИЯ

*Любовь Александровна ДРЯБИНА –
доцент кафедры истории древнего мира
и средних веков, кандидат исторических наук*

Пространственно-временная модель мира святилища Велижаны–2

УДК 920.02

АННОТАЦИЯ. В статье реконструируются космологические представления энеолитического населения Тюменского Приоболья. На основе материалов святилища III тыс. до н. э. Велижаны-2 моделируется горизонтальная и вертикальная структура пространства и времени. Для реконструкции хронотопа эпохи энеолита анализируется доминантная символика, зафиксированная в материалах святилища.

The author reconstructs the cosmological concepts of eneolit Tyumen and Tobol and modulates on the basis of materials of sanctuary Velizhany-2 dating back to the 3 millenium B. C. the horizontal and vertical structures of space and time. For the reconstruction of the eneolit chronotop the dominant symbols presented in the sanctuary materials are analyzed.

В реконструкции мировоззрения древнего населения главную роль играет воссоздание модели мира, основными элементами которой являются пространство и время. К наиболее информативным источникам по реконструкции хронотопа относятся святилища.

Святилище Велижаны–2 открыто разведкой В. Т. Галкина и А. Н. Панфилова в 1987 г. и исследовано Л. А. Дрябиной в 1989–1996 гг. Оно находится в Нижне-Тавдинском районе Тюменской области, на левом берегу реки Иска. Памятник занимает поверхность высокого (до 8 м над уровнем воды) мыса, образованного изгибом реки Иска и ручьем Шайтанка, а также площадку севернее мыса. Общая площадь святилища составляет около 800 кв. м, исследовано 740 кв. м [1].

Основная часть ритуального комплекса представляет собой два концентрических круга, образованных рвами. В центре комплекса располагается площадка округлой формы диаметром 9,2 м. Середину этой площадки занимала яма глубиной 1,5 м, дно которой заполнено крупными обломками сосудов, охрой, угольками. На расстоянии

0,2 м и 1,4 м к северо-западу от этой ямы фиксировались два кострища на разных глубинах, т. е. огонь разжигался здесь в разные периоды. Столб окружал ров шириной от 1,0 м до 2,1 м, углубленный на 0,15–0,2 м. Во рву располагались ямки от столбов диаметром до 0,5 м, глубиной 0,3–0,5 м. Внутри круга и по внутренней границе рва обнаружены ямки, заполненные охрой. На дне столбовых ямок, возле них и рядом с ямками с охрой найдены развалы сосудов и битые сосуды. В центральной части комплекса, кроме того, лежали глиняные поделки и 63 из 174 изделия из камня.

Центральную площадку окружал ров общим диаметром 18–19 м, отстоящий от центрального столба на 7,5–8 м. Ширина рва варьирует от 0,6 м до 3 м в местах расширения. Ров разомкнут в трех местах: на северо-востоке, юге, западе. Во рву фиксируются столбовые ямки глубиной до 0,5–0,6 м. На дне их лежали обломки сосудов, возле ямок стояли сосуды, часть которых перевернута вверх дном. В пяти местах ров расширен. В северо-западной части рва располагается сооружение А, представляющее собой яму шириной 2,5 м в центре, глубиной до 2,2 м. Северо-западную часть ямы занимает кострище от сгоревшего столба. Яму заполняло до 19 слоев, состоящих из темно-серой супеси с угольками, черного слоя сгоревшего дерева, охры, обломков сосудов, в том числе с охрой. По всей видимости, сооружение представляло собой помост, который устанавливался на столбах, расположенных по краям ямы. На помост ставили сосуды с жертвенной пищей, напитками, охрой. Сооружение возводилось, по-видимому, заново во время каждого ритуала. После обряда оно сжигалось и засыпалось песком.

В северо-восточной части рва наблюдалось расширение его до 3-х м в ширину и 5,5 м в длину (сооружение Б). В углах этого объекта и в середине длинных сторон зафиксированы ямки от столбов, в центре — провал. Заполнение сооружения многослойно. Слои идентичны: темно-серая супесь, охристый слой, светло-серый песок. Пространство сооружения во всех слоях содержало сосуды, выставленные вдоль стенок, а также незначительное количество изделий из камня. По всей видимости, на этом месте во время ритуалов сооружали каждый раз постройку типа хижины или навеса, затем, вероятно, сжигали, судя по остаткам сгоревших столбов, и засыпали песком и охрой.

В 1,6 м к югу от постройки находится яма В размерами 1,5x2,0 м, глубиной 0,8 м. Яма заполнена прокаленной почвой, переслоенной 8 раз охрой. В западной части рва располагалась яма Г глубиной 1,8 м, размерами 2,4x2,1 м. Вокруг нее стояло несколько сосудов. Яма была насыщена жирной темно-серой супесью с угольками, охрой, мельчайшими кальцинированными косточками. От дна до верхнего края она заполнена битыми сосудами и изделиями из камня. По-видимому, яма заполнялась постепенно, в течение функционирования святилища. Это, вероятно, была жертвенная яма, в которую опускали сосуды, охру, жидкую жирную пищу, части сожженных на стороне животных, а может быть, и людей. К западному краю ее примыкала яма от столба, вокруг которой были поставлены сосуды.

Южнее этой ямы, в 2,5 м от нее, была выкопана яма Д овальной формы, размерами 1,6x1,2 м, глубиной 0,8 м. Заполнением ее являлась темно-серая супесь. В яме и вокруг нее найдено множество сосудов.

В восточном и южном секторах комплекса, за пределами круга, располагались ямки, часть которых обставлена сосудами, в некоторых найдены изделия из камня. В одной из ямок (№ 32) лежали 13 глиняных грузил, другая, в восточной части (№ 69), плотно заполнена кусками охры.

В северной части святилища, в 4,5 м от внешнего рва, зафиксирован ряд ям со следами огня, с охрой. В 27 м от центрального столба в направлении северо-восточного прохода расположены остатки постройки размерами 3,0x3,8 м, глубиной до 0,4 м, ориентированной по длинной оси на северо-восток. В углах постройки фиксируются столбовые ямки, по краям оси запад-восток — два небольших очага. Находок в ней нет (рис. 1).

Неординарность комплекса, регулярность расположения столбовых ямок позволили предположить его ритуальный характер, а также возможность астрономического статуса. В связи с этим план памятника исследовался с точки зрения археоастрономической. С помощью палетки с разметкой солнечных и лунных ориентиров [2:23,24] был определен центр святилища: столб 13 во внутреннем круге. В этой точке пересекаются линии север-юг и запад-восток. Линия север-юг обозначена ямами 79 и 75 за пределами круга, столбами 14 и 11 во внутреннем круге, ямой 35 во внешнем рву. Направление запад-восток проходит через ямы 19, В и 66 (рис. 1).

Именно от столба 13 расходятся направления на основные солнечные и лунные азимуты. Восход солнца в летнем солнцестоянии (азимут 45°) отмечен столбами 50, 53, 54, восход в зимнем солнцестоянии (азимут 134°) — столбами 8 и 38. Заход солнца летом (азимут 317°) маркируется столбами 12, 13, кострищем в сооружении А, заход зимой (азимут 226°) — столбом 5 и ямой Д (рис. 1).

Лунные ориентиры на святилище также обозначены достаточно четко. Восход высокой луны летом (азимут 320°) ориентирован линией, соединяющей столб 13 со столбами 51 и 52 во внешнем рву и западной частью постройки Е. Этот ориентир проходит через северо-восточный выход из внешнего круга. Восход низкой луны обозначен линией, проходящей через столбы 13–10 во внутреннем круге, 47–59 во внешнем и 62–63 — за пределами круга (рис. 1). Восход высокой луны в зимнем солнцестоянии обозначен столбами 13, 8 и 39 (азимут 149°), а низкой луны — столбами 13 и 41. Направление захода высокой луны летом (азимут 327°) проходит через столбы 13, 12, 15 и кострище в сооружении А, а низкой луны в это же время года — через столбы 13 и 1. Заход высокой луны в зимнем солнцестоянии (азимут 210°) зафиксирован линией, соединяющей столб 13 со столбом 31 и ямкой 32, содержащей находки глиняных грузил. Заход низкой луны зимой (азимут 235°) прослеживается по линии, направленной от столба 13 через столб 2 к южной части ямы Г (рис. 1). Таким образом, на святилище зафиксированы четыре солнечных направления и восемь лунных. В течение 18,6 лет строители святилища могли использовать только четыре лунных меты: восход и заход в летнее и зимнее солнцестояние либо высокой, либо низкой луны. С солнечными метами получается восемь направлений. Кроме того, на поверхности святилища, как указывалось, обозначены линии север-юг и запад-восток. Все выявленные ориентиры исходят из одной точки — столба 13 в центральном круге. Значит, всего в определенный период фиксировалось 12 направлений и центр.

Наиболее ярко выражены точки восхода и захода солнца в дни летнего солнцестояния: здесь расположены самые сакральные постройки А, Б и Е. Это позволяет считать именно летнее солнцестояние начальным пунктом для счета дней [3], что вполне согласуется с мнением Т. М. Потемкиной и В. А. Юревича, исследовавшими святилище Савин 1 [4:12]. Лунные отметки могли использоваться не только для календарных целей, но и с религиозными мотивами.

Итак, элементами пространства на святилище Велижаны-2 являются концентрические круги, крест, образованный направлениями север-юг и запад-восток, проходы, столбы, ямы, ритуальные сооружения. Эти компоненты и составляют картину мира и конструируют образ пространства. Существует мнение о различном восприятии пространства кочевниками (охотниками и собирателями) и земледельцами: динамическом и статичном. А. Леруа-Гуран считает, что примитивные охотники и собиратели представляли пространство линейным, конкретным. Для ранних земледельцев оно было статичным, в виде концентрических кругов, расходящихся из центра [5:155]. В нашем случае говорить о земледелии энеолитического населения андреевской, липчинской, сосновоостровской культур представляется пока невозможным, несмотря на находку серпа для злаков (по определению С. Н. Скочиной). Представители указанных культур были рыболовами и охотниками. Занятие рыболовством предполагает

более оседлый образ жизни, чем охота и собирательство, поэтому можно полагать, что у энеолитического населения Притоболья существовала статичная модель пространства, при этом не исключается возможность сохранения элементов динамичности. Подобная модель описана у центрально-австралийского племени вальбири, представлявшего места выхода предков из земли концентрическими кругами, а путь — прямыми линиями. Священные места их являют собой конструкцию из концентрических окружностей, в центре которой стоял столб [6:61]. Именно таким образом — в виде концентрических кругов с центральным столбом — организовано сакральное пространство на святилище Велижаны-2. Для строителей святилища оно представляло собой центр мира. Форма сакрального пространства обусловлена двумя факторами: астрономическими наблюдениями и космологической концепцией мира. По словам М. Элиаде, сооружение святилища повторяло процесс сотворения мира [7:261].

В основе сакрального пространства святилища лежит круг. В одном круге заключен второй, в центре которого находится столб. Такую модель, в плане представляющую концентрические круги, можно реконструировать как гору, возвышающуюся на первичной земле. На вершине горы, в ее центре стоит столб (или дерево), от которого начинается сотворение мира и сооружение святилища. Это распространенная архетипичная модель мира, которая часто обозначается как древо мировое [8:161–164], которому изоморфны столб, гора и т. п. Гора как модель мира структурирована горизонтально и вертикально.

Горизонтальная структура священного пространства представляется как проекция кругов на плоскость. Круг отграничивает космос от хаоса, освоенное от неосвоенного, свое от чужого. Границы между своим и чужим преодолеваются посредством «входа-выхода». Во внешнем круге фиксируется три таких разрыва-входа. Первый вход-выход направлен на хижину Е за пределами кольцевого комплекса, на восход высокой луны в дни летнего солнцестояния. Вторым разрыв расположен в южной части рва и направлен к воде. Третий разрыв круга маркирует запад. Эти разрывы суть не что иное, как переход из одного состояния в другое, из одного мира в другой.

Неоднородность сакрального пространства подчеркивается наличием центра и различных сооружений во внешнем круге. Центр отмечен кострами, обилием охры, сосудов, поставленных вверх дном, поделками из глины, а также столбом-гномоном, который мог быть и идолом. Пространство внешнего круга раздвинуто сооружением А в северо-западной части, реконструируемым как жертвенный помост, сооружением Б в северо-восточной части, представляющим собой постройку типа навеса, регулярно возводимую и сжигаемую, а также ямами В, Г, Д. Ямы можно трактовать как пространственные дыры, разрывы плоскости. У многих народов яма считалась женским началом, а удлиненные предметы — мужским. К последним, вероятно, можно отнести столбы.

Другим символом, структурирующим пространство, является крест. Он образован линиями, обозначающими направления север-юг и запад-восток, пересекающимися в центральной части внутреннего круга, у столба 13. Крест подчеркивает идею центра и основных направлений, идущих от центра. Ориентиры восходов и заходов солнца в дни солнцестояний образуют косой крест. Аналог его находим в орнаменте сосуда № 18 (рис. 3:4). Таким образом, пространство разворачивается от центра мира и формируется четырьмя сторонами света соответственно линиям-направлениям север-юг и запад-восток. Здесь качественные признаки переходят в количественные, вернее, числовые. Число «четыре» является ведущей характеристикой горизонтальной структуры сакрального пространства, поэтому само становится священным. На святилище Велижаны-2 эти направления не единичны. Астрономические ориентиры на восход и заход солнца в дни летнего и зимнего солнцестояния добавляют еще 4 направления и 4 точки. Получаем восьмиконечный крест. Число «восемь» согласуется с числовой символикой на сосудах святилища,

горизонтальные развертки которых часто содержат восьмиконечную звезду. Четыре основных направления, дополненные лунными ориентирами, образуют двенадцатиконечную фигуру, числовое соответствие которой также находим на ритуальной посуде (рис. 3:1). Указанные количественные параметры характеризуют модель мира как в пространстве, так и во времени, о чем будет сказано ниже.

Вертикальное членение пространства обозначено кругами — сферами мира. Центральная часть с кострищами и столбом представляет верхний мир. Средний мир ассоциируется с внешним кругом, насыщенным жертвенными сооружениями. Нижний мир локализуется за пределами комплекса, на неосвоенной земле или в первичных водах, окружающих святилище с трех сторон. Так, кругами выделены три мира — три космические зоны. Образ горы помещается в центре мира, а «всякий храм уподобляется священной горе и таким образом получает статус центра» [9:264].

Часто вертикальную структуру сакрального пространства соотносят с горизонтальной через проекцию на плоскость земли уровней вертикальной модели. Т. М. Потемкина, исследуя пространственную организацию святилища Савин-1, проецирует все три зоны на горизонтальную поверхность памятника, связывая верхний мир с востоком, средний мир с центральной частью святилища, нижний мир с западом [10]. Подобная методика не всегда оправдана, хотя бы потому, что центральная часть святилища чаще всего оказывается наиболее сакральной, и связывать ее с профанным средним миром не вполне корректно.

При сопоставлении отдельных уровней вертикальной структуры с определенными зонами горизонтальной модели мира более приемлемым, видимо, является использование бинарных оппозиций: верх—низ, север—юг, восток—запад; правый—левый, небо—земля, небо—подземный мир. Такие оппозиции используют А. В. Лушников и В. Т. Ковалева [11]. В реконструкциях этих исследователей север ассоциируется с верхом и левой стороной, а юг с низом и правой стороной у индоиранских народов, у северных народов (угров, например) — наоборот. Так, по мнению А. В. Лушниковой, реализуется тоска по северу у индоиранцев, по югу — у уральцев [12: 293]. По мнению А. Голана, до индоиранской традиции, то есть до эпохи бронзы, сакральной являлась западная сторона, что отразилось и в «Текстах пирамид» [13: 39]. Сакральные зоны индоиранцев и уральцев определяются по текстам и этнологическим описаниям современных народов. На археологических памятниках эти зоны отмечены наибольшим сосредоточением остатков ритуальных действий. На святилище Велижаны-2 основные церемонии проводились в северной части, точнее — в северо-западной и северо-восточной, а также на западе и востоке. Южная часть святилища содержит только меты солнечных и лунных направлений и небольшое число находок, которые свидетельствовали бы о совершении здесь важных культов. Кроме того, в этой части расположен выход к воде, первоэданной стихии. Таким образом, исходя из принципа бинарных оппозиций, можно заключить, что для строителей святилища Велижаны-2 именно север был наиболее сакральным, а юг ассоциировался с низом, подземным миром. Свидетельствует ли это заключение об индоиранской принадлежности участников ритуалов на Велижанах-2, сказать пока трудно.

Важнейшей характеристикой мифологического сознания является неразделимость пространства и времени. Пространство и время образуют неразрывное единство — хронотоп. Нерасчленимость пространства и времени на святилище Велижаны-2 предстает в образе круга, который является символом и упорядоченного пространства, и циклического времени. Основной ритуальной временной единицей являлся год, который понимался как прохождение через 4 стороны света. В представлениях дакота, например, год — это «круг вокруг мира» [14:285]. В нашем случае мир представлен ритуально в форме святилища, состоящего из концентрических

ких кругов. Стороны света, пространственно представленные крестом, являются вместе с тем и параметрами времени, как и сами символы «круг» и «крест».

Астрономические меты на святилище образуют как пространственные, так и временные направления. Солнечные ориентиры, как уже отмечалось, образуют восьмеричные фигуры вместе с визирами сторон света. Подобные геометрические фигуры присутствуют в орнаменте посуды святилища, что особенно проявляется в круговых развертках сосудов [15: 90–91]. Сосуд, вылепленный из глины (земли), воспринимался, видимо, как вертикальная модель мира. Дно и придонная часть соответствовали верхнему миру, тулово — среднему, а верхняя часть — нижнему миру. Круговая развертка сосуда подобна горизонтальной структуре святилища: вид сверху на перевернутый вверх дном сосуд представляет собой концентрические окружности, расходящиеся от центра (дна сосуда). В эти круги вписаны крест, восьмилучевые и другие фигуры. Круг с крестом внутри мог быть символом лунных фаз. Полный лунный цикл задан числом «28». Такую символику содержит орнамент сосуда № 28. На его горизонтальной развертке отчетливо читаются 4 ряда по 28 ямок (рис. 2:2). Число «5» символизирует горизонтальную модель мира с сакральным центром, через который проходит ось мира и в котором соединяются горизонтальная и вертикальная модели Вселенной. Этим же числом могли обозначать и времена года. Оно представлено в орнаментации сосуда № 8, где числа 5 и 10 чередуются с числом 13: 5 лучей в центре окружены 13 лучами, круг из 10 треугольников замыкается окружностью из 13 треугольников (рис. 2:1).

Пространственно-временное значение имеют и двенадцатилучевые фигуры в круге святилища и на посуде. Число 12 состоит из 8 лунно-солнечных ориентиров и 4-х направлений на стороны света, оно завершает годовой круг. Эта символика обнаружена на сосуде № 42 (рис. 3:1). Характерны для посуды святилища Велижаны-2 и такие числовые доминанты, как 6 и 13 (рис. 3:2,3; 3:1). Они отражают, по всей видимости, количество месяцев в году и половине года. Год, впрочем, если он рассчитан по луне, мог иметь 8 или 10 месяцев. Лунно-солнечный год содержал 12 месяцев, а тринадцатый добавлялся каждые 5 или 3 года. Хронотоп выражен также числом 7. Оно может быть составлено числовыми координатами пространственной (4 стороны света) и вертикальной (3 космические сферы) структуры мира и представлять образ Вселенной. Кроме того, числа 7, 14, 21, 28 соотносятся с лунным исчислением времени. Число 7 в различных комбинациях содержится в орнаментике сосудов №№ 24, 35, 28 (рис. 2: 2–3).

Время начала отсчета года отмечено на поверхности святилища в северной части. Помост в сооружении А и постройка Б направлены на заход и восход солнца и луны в дни летнего солнцестояния. Насыщенность сооружений находками, кострищами, охрой свидетельствует о высоком сакральном статусе этих направлений. Дни летнего солнцестояния хорошо фиксируются и вполне могут являться началом отсчета года. Таким образом, Новый год приходился на эти дни. Стратиграфические наблюдения сакральных объектов показали, что ритуалы проводились регулярно. Мир периодически разрушался, растворялся в первичных водах на юге, а затем возрождался в виде круга — доминантного образа хронотопа.

Мировосприятие человека эпохи энеолита воплощалось в мифе. В каждую эпоху у определенного народа формировалось свое пространство мифа, в котором проецировались основные элементы пространственно-временной модели Вселенной. Они находили отражение в организации пространства святилищ, в структуре календарей, являющихся регуляторами связи между небесной сферой и жизнью на земле. Запись мифопоэтического восприятия этой поры, к сожалению, не дана нам в вербальной и письменной форме. Своеобразный текст, отражающий образ Вселенной в ее пространственно-временной структуре, содержится в знаках-символах, формирующих структуру культовых мест и предметов, орнамента посуды, произведений искусства.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

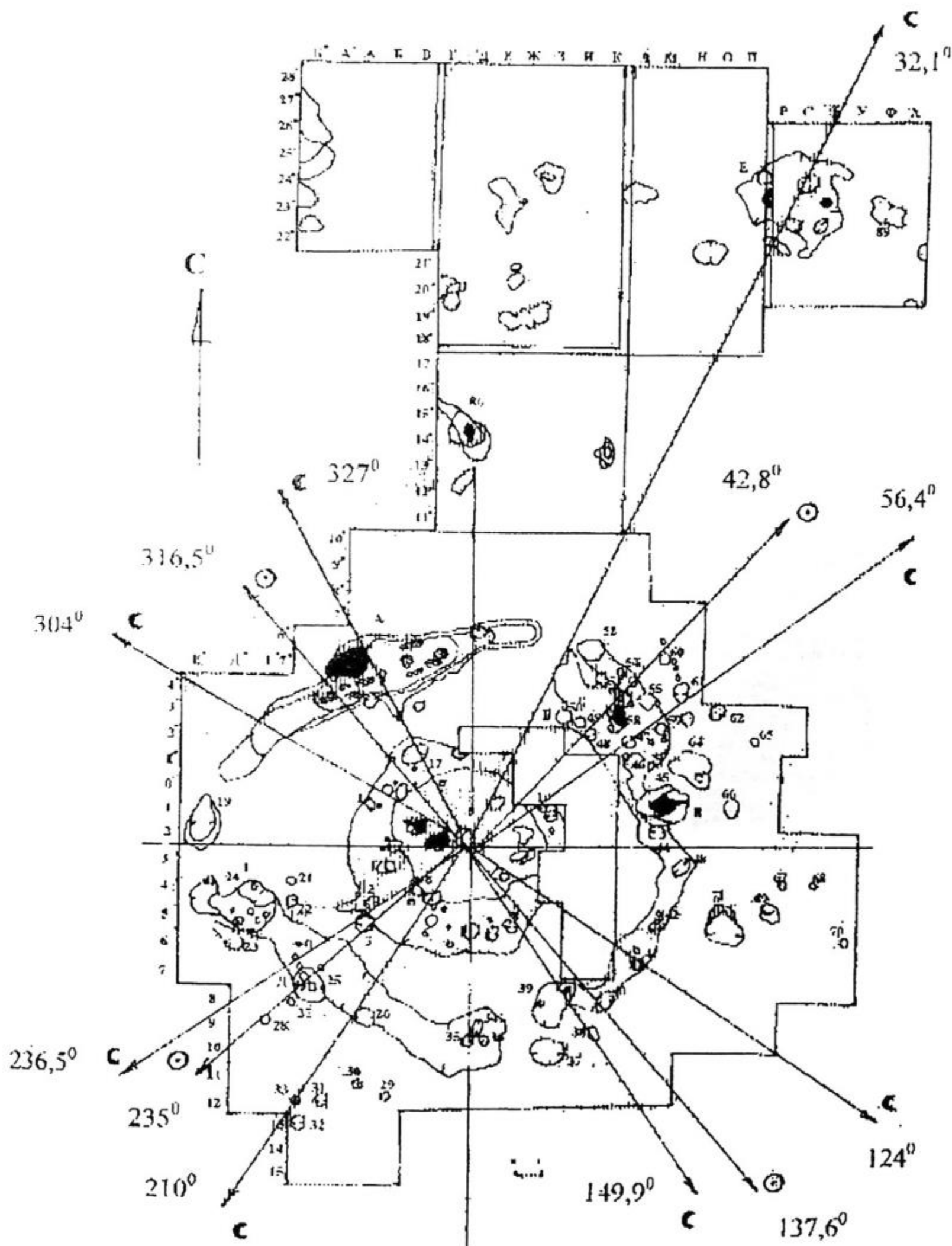

Рис. 1. Святилище Велижаны-2

Условные обозначения:

○ — Очертания ям

⊗ — Кострище

vvv — Угольки

xxx — Охра

Γ (— Ориентиры восхода и захода луны

Γ Q — Ориентиры восхода и захода солнца

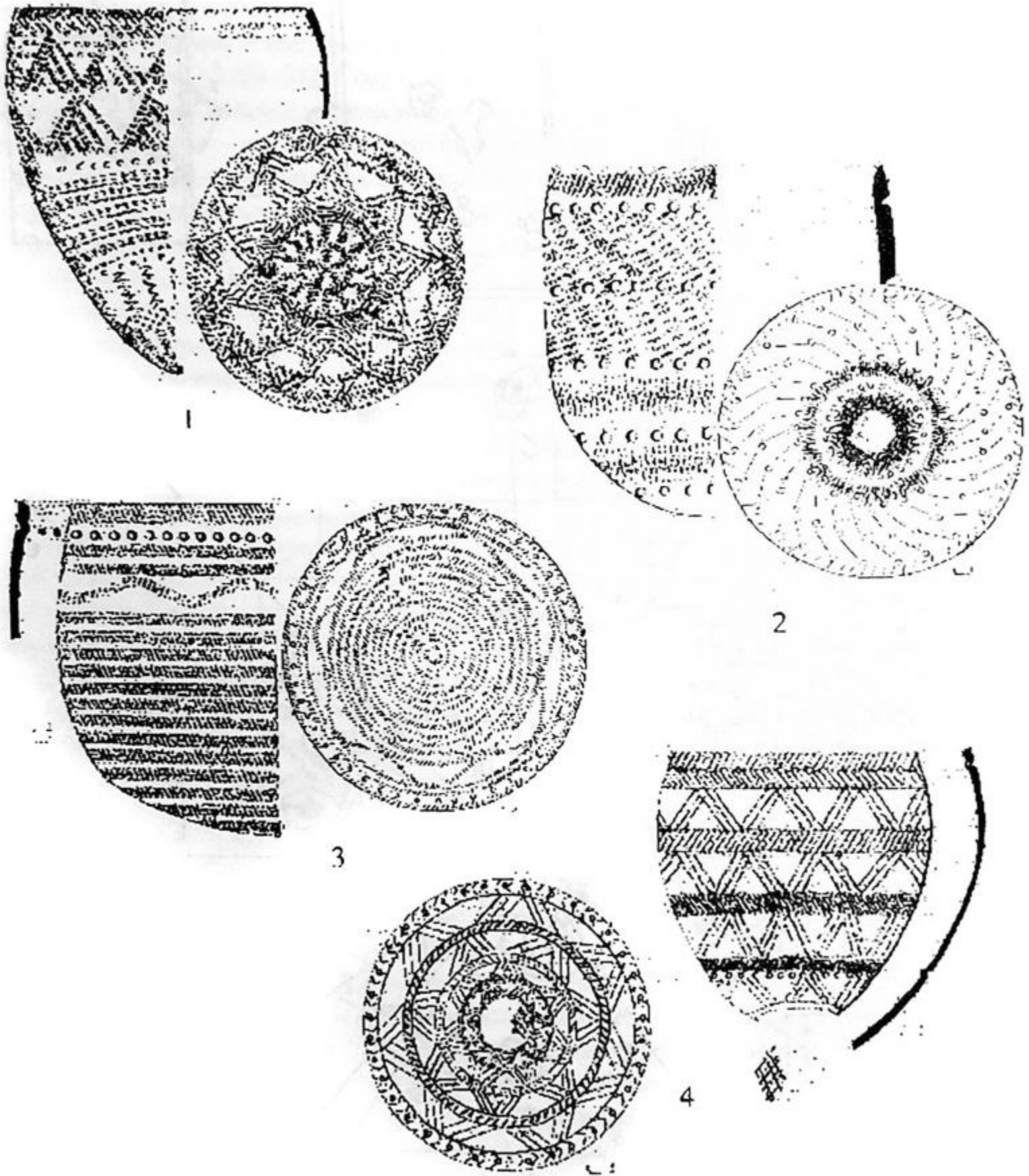

Рис. 2. Святилище Велижаны-2. Сосуды с ритуальной символикой:

- 1 — сосуд № 8,
- 2 — сосуд № 28,
- 3 — сосуд № 24,
- 4 — сосуд № 35

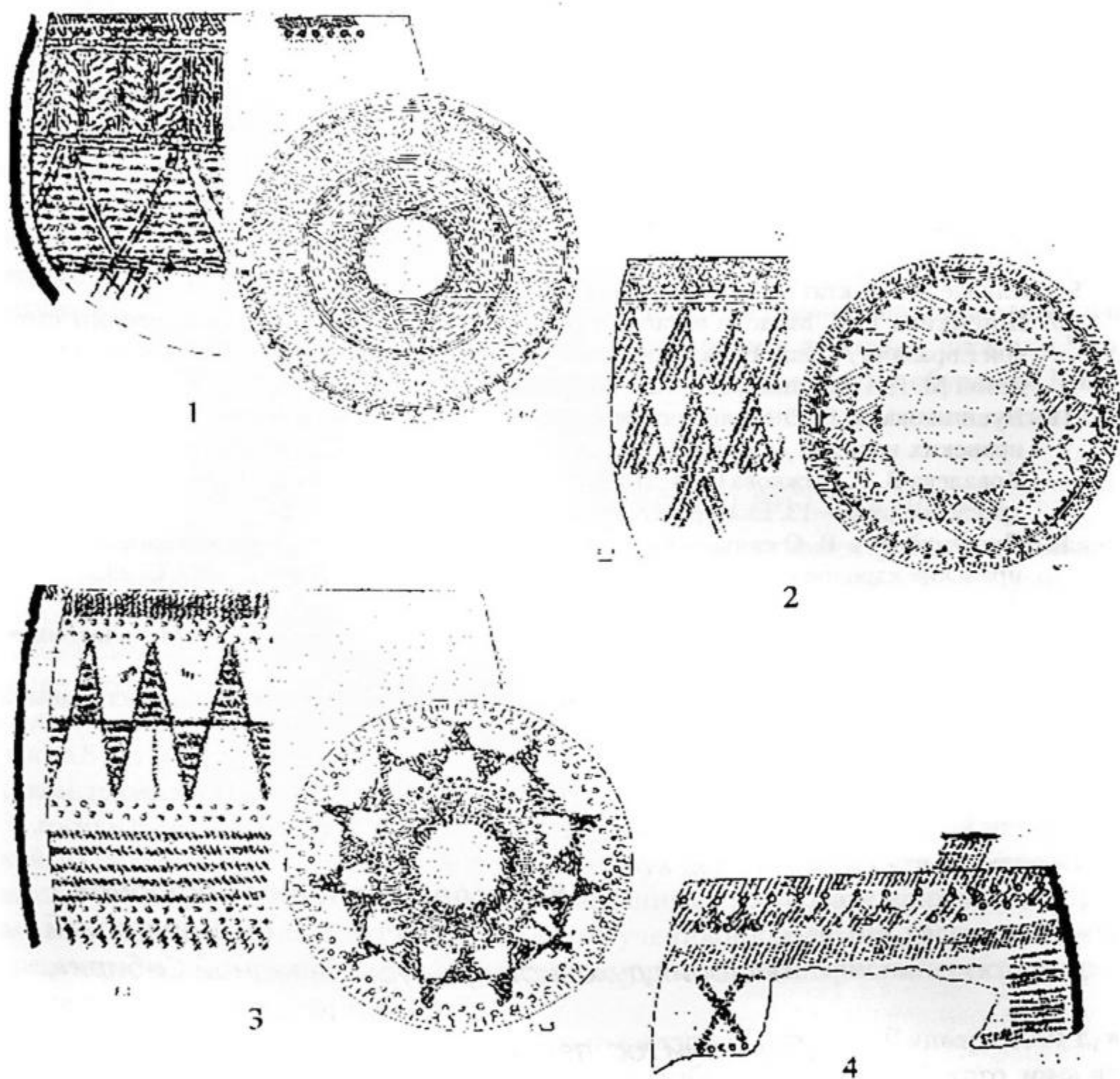

Рис. 3. Святилище Велижаны-2. Сосуды с ритуальной символикой:

- 1 — сосуд № 42,
- 2 — сосуд № 48,
- 3 — сосуд № 2,
- 4 — сосуд № 18

ЛИТЕРАТУРА

1. Дрябина Л. А. Энеолитическое святилище Велижаны-2 под Тюменью // Словцовские чтения. Тюмень, 1985. С. 37–38; Она же. О жертвоприношениях на святилище Велижаны-2 // Словцовские чтения. Тюмень, 2001. С. 87–88.
2. Потемкина Т. М., Юревич В. А. Из опыта археoaстрономического исследования археологических памятников (методологический аспект). М., 1998.
3. Дрябина Л. А. Реконструкция ритуала на святилище Велижаны-2. (В печати).
4. Потемкина Т. М., Юревич В. А. Из опыта археoaстрономического исследования археологических памятников (методологический аспект). М., 1998.
5. Leroi-Gourhan A. Prehistoire de l'art occidental. P., 1965. P. 155.
6. Антонова Е. В. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. М.: Наука, 1984. С. 61.
7. Элиаде М. Трактат по истории религий. СПб.: «Алетейя», 1999. Т. 2.
8. Топоров В. Н. Модель мира // Мифы народов мира. М.: «Энциклопедия», 1994. Т. 2. С. 161–164.
9. Элиаде М. Трактат по истории религий. СПб.: «Алетейя», 1999. Т. 2.
10. Потемкина Т. М. Модели организации сакрального пространства в энеолите степной Евразии // Степи Евразии в древности и средневековье. К столетию со дня рождения М. П. Грязнова. СПб.: Изд-во ГЭ, 2002. Кн. 1. С. 216–221.
11. Лушникова А. В. О священности севера и левой стороны в мировоззрении индоиранских народов // Астрономия древних обществ. М.: Наука, 2002. С. 290–294; Ковалева В. Т., Рыжкова О. В., Шаманаев А. В. Ташковская культура: поселение Андреевское озеро–13. Екатеринбург: УрГУ, 2000.
12. Лушникова А. В. О священности севера и левой стороны в мировоззрении индоиранских народов // Астрономия древних обществ. М.: Наука, 2002. С. 293.
13. Голан А. Миф и символ. М., 1993. С. 39.
14. Элиаде М. Священное и мирское // Миф о вечном возвращении. М.: «Ладомир», 2000. С. 251–393.
15. Дрябина Л. А., Шехова В. Н. Семантика культовой посуды святилища Велижаны-2 // Словцовские чтения. Тюмень, 2001. С. 90–91.

Вячеслав Юрьевич Софронов –
заведующий лабораторией

«История духовной культуры Западной Сибири»,
кандидат исторических наук,

Тобольский гос. пед. институт им. Д. И. Менделеева

Становление духовной школы Сибири

УДК 281.93(571)

Аннотация. В статье рассматривается становление в XVIII в. духовного образования в Западной Сибири, открытие школы при архиерейском доме и дальнейшая реорганизация ее в духовную семинарию.

The author tackles upon the issues of clerical education in the 18th century in West Siberia, such as the foundation of a clerical school and its further reorganization into a seminary.

Реформы Петра обнажили многие недостатки русского общества, среди которых одной из главных являлась необразованность духовенства. В Сибири эта проблема ощущалась еще острее. Мысль о специальном духовном образовании была впервые высказана Петром I патриарху Адриану после возвращения царя из его первого путешествия по Европе[1].